

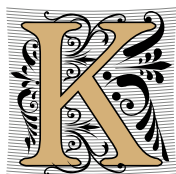

Исторический вестник. 2021. Т. XXXVIII

DOI: 10.35549/HR.2022.2021.38.012

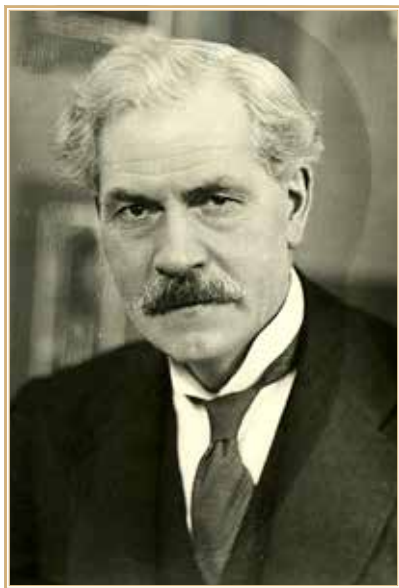
Ар.А. Улунян

1924 г.: «АЗИАТСКОЕ ЗАКУЛИСЬЕ» БРИТАНО-СОВЕТСКОГО СБЛИЖЕНИЯ

ратковременное (январь–ноябрь 1924 г.) пребывание у власти лейбористского правительства меньшинства во главе с премьер-министром Р. Макдональдом, являвшимся одновременно главой Форин Офис, было знаковым. Для местной коммунистической партии это было частичным успехом. Как отмечалось в ее официальном печатном органе газете «The Workers' Weekly» в середине февраля 1924 г., «все согласны с тем, что приход лейбористского правительства — это шаг вперед в продвижении рабочего класса. Но как только мы преодолеваем эту точку согласия, сомнения и страхи поочередно окрашивают ситуацию. ... Прежде всего отметим факты его существования. Оно является меньшинством и существует, поскольку это касается парламентских голосов, с согласия Либеральной партии. В его состав входит коалиция лейбористов, либералов и тори. Лейбористские элементы внутри его, за исключением Уитли и Мьюира, имеют только социалистическую фразеологию, чтобы отличаться от либералов»¹. Во внешнеполитическом отношении

¹ Murphy J.T. The Labour Government — What We Must Do // The Workers' Weekly, February 15, 1924.

Джеймс Рамсей Макдональд

создание этого правительства сыграло свою роль в развитии британо-советских отношений, имея в виду, что именно лейбористский кабинет признал 1 февраля 1924 г. правительство СССР. Причинами поспешных действий, предпринятых вскоре после прихода к власти, как заявил об этом сам премьер-министр на заседании кабинета 4 февраля 1924 г., было, во-первых, его нежелание откладывать это с целью консультаций с другими государствами, так как подобный шаг привел бы к трехмесячной отсрочке. Во-вторых, он сообщил своим коллегам о том, что узнал об окончании 2 февраля сессии Верховного Совета СССР и поэтому, с его точки зрения, было важно, чтобы это признание было одобрено этим органом, а не только главой МИД Г. Чичериным и советскими властями². Действия премьера были одобрены членами кабинета.

В свою очередь, советская политика в отношении Британской империи, включавшей территориальные владения на Востоке, а также оказывавшей влияние в целом на общественно-политическое развитие азиатских регионов, во многом зависела от провозглашенного еще с момента прихода большевиков к власти в России их курса на вовлечение азиатских стран и народов в орбиту своего влияния и на ослабление британских позиций на «Большом» Востоке. Предыдущие попытки установления дипломатических отношений, предпринимавшиеся

² The National Archives (TNA). CAB 23/47/3. Cabinet 9(24). Conclusions of a Meeting of the Cabinet held at 10, Downing Street, on Monday, February 4th 1924. P. 40.

ранее Москвой, сталкивались с главной проблемой — продолжением проводимой ею политики, несмотря на делавшиеся официальными советскими представителями заявления об отказе от подрывной антибританской деятельности³. Ставка на достижение договоренностей как по политическим, так и экономическим вопросам, включая гарантии прекращения советской стороной тайной и открытой борьбы с Британией, а также урегулирование финансовых вопросов, делалась лично Макдональдом с достаточной степенью оптимизма. В определенной степени такому отношению к перспективам двусторонних отношений между Лондоном и Москвой способствовали и взгляды ближайшего окружения главы государства. Так, в частности, С. Оливер, министр по делам Индии, описывая 1 февраля в специальном меморандуме, направленном Макдональду, ситуацию, складывавшуюся для британских позиций на «азиатском» направлении, сообщал об обострившихся на протяжении весны–осени 1923 г. отношениях Британии и Афганистана, что произошло во многом из-за действий афганских властей, поддерживавших антибританские действия проживавших на территории северо-западной приграничной территории британской Индии племен, а также укрывавших лиц, совершавших нападения в афгано-индийском приграничье на британских военных и гражданских. Происходившее рассматривалось в документе достаточно серьезно⁴. В то же время, сообщая о советских действиях непосредственно в отношении британской Индии, министр отмечал, что имеющаяся информация не дает оснований для принятия дипломатических шагов, и одновременно сообщал о том, что «правительство Индии, безусловно, достаточно напугано этой [коммунистической] пропагандой, чтобы на него можно было положиться, чтобы держать нас в курсе всего, что может рассматриваться как имеющее серьезное международное значение»⁵. Эта оценка позиции британской администрации Индии, достаточно хорошо знакомой с ситуацией, информацию о которой она получала по гражданским и военным каналам, была весьма симптоматична и во многом отражала стремление лейбористского правительства минимизировать влияние на свою политику

³ Подробнее в: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019; *Улунян Ар.А.* Туркестанский плацдарм. 1917–1922: Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М.: URSS, 2019.

⁴ TNA. CAB 24/164/47. Memorandum. Points of greatest immediate importance in Indian affairs. Sydney Olivier. 01 February 1924. P. 339.

⁵ Ibid. P. 343.

Журнал «Бухарская жизнь»,
издававшийся Экономическим представительством БНСР в Москве

в отношении СССР сторонников не только жесткого курса, но и даже более умеренных, но призывавших к осмотрительности во взаимоотношениях с Москвой с точки зрения выполнения советской стороной обещаний отказаться вести антибританскую деятельность на Востоке.

В свою очередь Макдональд стремился максимально достигнуть поставленной им цели. Перед заседанием кабинета 8 февраля 1924 г. по указанию премьера его члены были ознакомлены с письмом главы советской торговой миссии в Лондоне, становившегося официальным полномочным дипломатическим представителем Х. Раковского по поводу ноты британского правительства о признании СССР. В своем выступлении во время заседания глава правительства, являвшийся одновременно министром иностранных дел, обратил внимание на «сердечный характер этого послания», в связи с чем сообщил о том, что намеревался направить Раковскому меморандум по важным вопросам, представляющим интерес для двух правительств с предложением о том, как предстояло развивать отношения между ними⁶. Установление отношений

⁶ TNA. CAB 23/47/5. Cabinet 11(24). Conclusions of a Meeting of the Cabinet at 10, Downing Street, S. W. 1, on Friday, February 8, 1924. P. 77.

Роберт Маклеод Ходжсон

и продолжавшиеся переговоры о заключении общего и торгового соглашений между двумя странами проходили на фоне событий, происходивших на стратегически важной для Москвы и Лондона «азиатской» периферии и продолжавших оказывать как явное, так и скрытое влияние на процесс противоречивого британо-советского «сближения».

26 февраля 1924 г. бывший глава британской торговой миссии в Москве, ставший после установления дипломатических отношений поверенным в делах, Р.М. Ходжсон направил в Форин Офис телеграмму о своей встрече с главой советского НКВД Г. Чичериным после передачи ему послания о своем новом уже дипломатическом назначении. Во время беседы Чичерин сообщил о недовольстве советских властей действиями британских официальных лиц в Азии и, в частности, активностью Генерального консула П.Т. Этертона в Кашгаре⁷ и вице-консула в Реште Т.В. Бренана. Сам факт возвращения первого из них на его пост рассматривался советской стороной крайне негативно: «указывающим на вероятное возобновление антисоветских интриг в Центральной Азии»⁸. На прямой вопрос Ходжсона о конкретных обвинениях советской стороны в адрес двух британцев Чичерин ответил, что в соответствии с имеющимися точными данными полковник Этертон являлся фактически подстрекателем

⁷ О разведывательной деятельности Этертона на туркестанском направлении см.: Улуян Ар. А. Туркестанский плацдарм.

⁸ National Archives of India (NAI). Repository II. PR_000003030952. Russian Military Activities in Bokhara. Home Political. 1924. P. 20.

Г.В. Чичерин

басмаческого движения в Средней Азии и оказывал ему всестороннюю поддержку. При этом глава НКВД сослался на статью из журнала «Новый Восток», в которой Этертону приписывались соответствующие действия. Сам Ходжсон отмечал в телеграмме, что обвинения в этой публикации не подтверждались какими-либо данными⁹. В то же время новый поверенный в делах обращал внимание на то, что обвинения против полковника Этертона не были новыми и еще летом 1922 г. А. Карахан (тогдашний замнаркома НКВД и заведующий Восточным отделом НКВД) делал подобные заявления, о чем Ходжсон сообщал в Форин Офис. В отношении Бренана, как писал Ходжсон, Чичерин использовал выражение «герой белогвардейского романа», в ходе которого он втянул в свою интригу некую девушку из «белогвардейского лагеря», а когда она стала для него опасна, по словам главы НКВД, Бренан избавился от нее, что привело к ее смерти. По заявлению Чичерина, Бренан был вовлечен в контрреволюционные интриги и имел своих тайных агентов на Кавказе¹⁰.

В свою очередь Ходжсон, отвечая собеседнику, сослался на действия ГПУ, в результате которых во время переписки с одним британцем по поводу покупки двух породистых собак по кличке «Черный лорд» и «Белая леди» несколько человек в России были надолго арестованы из-за невежества сотрудников ГПУ, посчитавших, что речь идет о контрре-

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

волюционном заговоре. Британский поверенный сравнил этот случай с аналогичными обвинениями в адрес Этертона и Бренана. В этой связи он порекомендовал представить доказательства, чтобы отбить британские обвинения относительно русской пропаганды и во время переговоров «для достижения пакта от ненападения, соответствующего желаниям советского правительства»¹¹.

Тем временем действия советской стороны как в самой британской Индии, так и граничивших с ней государствах явно свидетельствовали о том, что она не сокращает своей активности. В марте 1924 г. Дж. Крирар, глава Департамента внутренних дел британской администрации Индии, сообщал о советской пропаганде в своей телеграмме в Министрство по делам Индии со ссылкой на предыдущие свои донесения за январь–февраль текущего года. Он, в частности, отмечал, что «объяснением решения [советского руководства] прикладывать большие усилия и вкладывать больше в Восток является то, что 23 ноября 1923 г. коммунизм в Германии был разгромлен и поэтому русские решили не прикладывать больше энергии и активности в кампанию в этой стране»¹². В связи с этим делалась рекомендация поставить британскую администрацию в известность об угрозе усиления большевистской пропаганды в ближайшем будущем и сообщалось о наличии у Генерального штаба британских сил в Индии «информации, подтверждающей это утверждение»¹³. Параллельно с этим процессом советского проникновения на «британский» Восток и в страны, граничившие с британскими индийскими владениями, развивался и другой — усиление повстанческого антисоветского движения в советской Средней Азии, носившее локальный, но от этого не менее тревожный для советского руководства характер. В этой связи британская сторона обращала внимание на происходившее в советском приграничье как со стороны Персии, Афганистана и Кашгара, так и непосредственно с северо-западной границы Индии, прилегающей к Афганистану. В свою очередь глава британской миссии в Москве Р. Ходжсон информировал 30 апреля 1924 г. Форин Офис о том, что советская пресса сообщала о распространившемся из Афганистана в направлении Бухары движении, являвшемся «результатом интриг, финансируемых и поддерживаемых британскими агентами». Более того,

¹¹ Ibid. P. 21.

¹² NAI. Repository II. PR_000003030874. Home_Political_NA_1924_NA_F-6Part-Iv. Bolshvik Oriental Propaganda. Home Political. 1924. P. 7.

¹³ Ibid. P. 8.

Фрагмент издания «Бухарская жизнь» с упоминанием Полномочного Представителя Бухарской Народной Советской Республики Абдурахима Юсуф-Заде

он ссылался на речь члена советского руководства Л. Троцкого, бывшего, помимо прочего, еще и наркомом по военным и морским делам СССР, в которой он «не желая ни в коей мере причинить вред переговорам, проходящим в Лондоне, сделал намеки в том же смысле». Серьезность происшедшего с точки зрения советских обвинений британской стороны в подрывной работе в условиях, когда между Британией и СССР продолжались переговоры по широкому комплексу вопросов, была чревата очередным обострением двусторонних отношений. Поэтому Ходжсон особо отмечал в своей телеграмме в Форин Офис, направленной уже 1 мая, что «повторяющиеся восстания в Афганистане и Бухаре приписываются большевистской прессой британским махинациям». С целью прояснить ситуацию глава британской миссии обратился 31 апреля, как он сам об этом сообщал, «к афганскому министру» Мохаммаду Хашему, относительно соответствия публиковавшейся советской прессой информации подлинному положению дел. Хашем, сославшись на полученную из Кабула телеграмму, сообщил Ходжсону, что «за исключением небольшого восстания, ограниченного одним местом, нет никаких восстаний, соответствующих большевистским сообщениям». Одновременно афганский посол выдвинул предположение, что подобная информация

«создается в Москве», но в то же время заявил, что прибывший недавно из Бухары курьер сообщил (без каких-либо деталей) о развивавшемся там «вооруженном конфликте»¹⁴. Интерпретация событий в Афганистане, данная Хашемом, в действительности, судя по всему, была призвана минимизировать характер происходившего в тот момент на афганском юго-востоке, где в марте 1924 г. началось восстание пуштунских племен мангал на границе с британской Индией. О серьезности этих событий свидетельствовал факт обращения афганского правителя Аманулла-хана за военной помощью к СССР, который не только оказал ее, но осенью того же года предоставил самолеты, управляемые советскими летчиками, для нанесения бомбовых ударов по восставшим. Одновременно активизировалась советская разведка (как Иностранный отдел ОГПУ, так и военная)¹⁵. Примечательным на этом фоне было сделанное Ходжсону еще ранее заверение Хашема о том, что «несмотря на то, что он был назначен послом в Москве», все его устремления были направлены в пользу тесного союза в Великобритании и «он считал подрывную политику Советского правительства угрозой для обеих стран, и считает, что совместные усилия должны быть направлены на ее устранение». В определенной степени это было отражением проводившейся Аманулла-ханом политики, направленной на более тесные отношения с Британией, несмотря на его доверительные связи с Москвой¹⁶. Сам британский дипломат полагал, что это могло бы помочь ему в его взаимоотношениях с Хашемом, «если бы он [Ходжсон] смог получать любую информацию, имеющуюся в распоряжении Министерства по делам Индии (Indian Office)...»¹⁷. В приложении к телеграмме глава британской миссии направлял перевод статьи под названием «Интриги англичан в Бухаре» из «Рабочей газеты» от 30 апреля 1924 г.¹⁸ Одновременно по линии военной разведки британская сторона пыталась выяснить детали происходившего в советской Центральной Азии с учетом вероятных действий

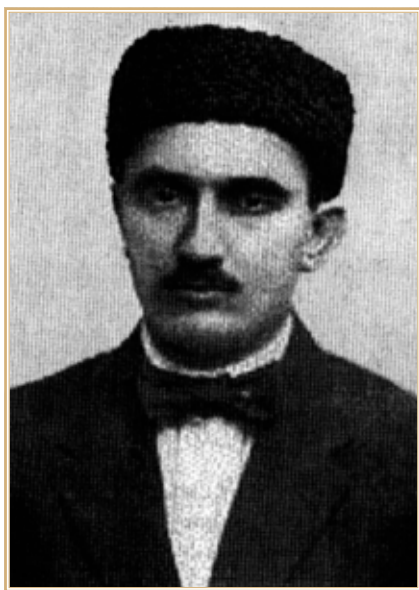
¹⁴ NAI. Repository II. PR_000003030858. Home_Political_NA_1924_NA_F-126Part-li. Remain Inability Activities Bokhara. Secretary of State. Home Political. P. 24.

¹⁵ Подробнее об этом в: *Агабеков Г.С.* ЧК за работой. М.: Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1992.

¹⁶ Проявлением такого курса стало награждение британского посла в Афганистане сэра Фрэнсиса Хамфриса вторым по значимости в иерархии государственных наград страны орденом Сардар-и-Али (эквивалента награды орден Рыцарь-командор Второго класса, который существовал в ряде европейских стран).

¹⁷ NAI. Repository II. PR_000003030858. Home_Political_NA_1924_NA_F-126Part-li. Remain Inability Activities Bokhara. Secretary of State. Home Political. P. 24.

¹⁸ Ibid. P. 25.

Г.А. Априсов

повстанческих групп. Однако британский военный атташе в персидском городе Мешхед майор Д. Томпсон, являвшийся главой резидентуры военной разведки в области Хорасан, сообщал 7 мая 1924 г. начальнику Генерального штаба вооруженных сил британской Индии генералу Дж. Клоду о том, что не «смог получить подтверждений сообщения Рейтер из Риги относительно революции в Туркестане». Со ссылкой на Г. Априсова (временного поверенного СССР в Персии и одновременно резидента Иностранного отдела ОГПУ и консула в Мешхеде) майор отмечал, что ничего подобного не происходит, а персидские военные власти ожидают получения сведений из прикордонья с СССР и в случае развития событий он телеграфирует о них¹⁹.

9 мая Ходжсон вновь сообщал в Форин Офис об освещении в советской прессе ситуации, складывавшейся на «бухарском направлении», и прилагал к своей телеграмме перевод интервью Полномочного Представителя Бухарской Народной Советской Республики Абдурахима Юсуф-заде²⁰, данное им, как отмечал британский представитель, газете

¹⁹ Ibid. Р. 10.

²⁰ Ibid. Р. 18. В тексте телеграммы он значится как «Юсуп Заде, представитель Бухары в Москве». С конца 1920 г. по начало 1921 г. А. Юсуф-заде являлся Генконсулом в Афганистане. Бухарская Народная Советская Республика (БНСР) была провозглашена 8 октября 1920 г. после падения Эмирата Бухары (Бухарского эмирата). 19 сентября 1924 г. она была переименована в Бухарскую Советскую Социалистическую Республику (БССР), а 27 октября 1924 г. — ликвидирована в процессе создания советских республик в Центральной Азии.

«Известия» и опубликованное ею 7 мая 1924 г.²¹ Как следовало из текста публикации, интервью было обусловлено сообщениями «о контрреволюционной деятельности бухарских эмигрантов, возглавляемых эмиром», в связи с чем представитель БНСР заявил о стремлении эмигрантов вернуться в Бухару и восстановить прежний режим и об их «отчетливом понимании неосуществимости этих устремлений, как и англичанами, которые стоят за ними». В тексте материала особо отмечались сообщения о поддержке этого, характеризуемого как контрреволюционное, движения «из того же источника, что и восстание в Афганистане», в связи с чем Юсуф-заде заявил, что «англичане делают все возможное для того, чтобы народы Средней Азии поднялись против них. Англичане всегда были непримиримыми врагами бухарцев и всех мусульман». В продолжение этого утверждения представитель БНСР обращал особое внимание на ненависть в отношении англичан в этой связи со стороны бухарцев и сообщил о том, что матери учат детей ненавидеть англичан²².

На фоне нестабильной, как становилось ясно, ситуации в ряде районов советской Центральной Азии любая информация о действиях советского руководства представляла для британской стороны большой интерес, тем более если речь шла о масштабных внутривнутриполитических изменениях, планировавшихся Москвой. Поэтому телеграмма, направленная 20 мая 1924 г. Ходжсоном в Форин Офис, приобретала особую важность. Он сообщал в ней о том, что советское правительство серьезно рассматривает планы административно-территориального переустройства в Центральной Азии, в соответствии с которым Туркестанская АССР должна была быть объединена с Бухарской НСР со столицей в Самарканде и названа Узбекской Республикой. Хорезмская ССР, как стало известно британскому дипломату, должна была стать больше, включить Закаспий и называться Туркменской Республикой со столицей в Хиве²³. Одновременно он сообщал о мнении посла Турции в Москве Мухтар-бея относительно этих планов. Последний, по словам британца, заявил, что в Анкаре «с большим интересом следят за этим». Сам посол полагал, что советское правительство преуспееет

²¹ В № 102(2137) «Известий» от 7 мая 1924 г., а также в последующих выпусках данной газеты вплоть до 9 мая 1924 г. включительно такой материал не был опубликован. Вероятно, речь идет о каком-то более раннем выпуске издания или другой советской газете.

²² Ibid. P. 19.

²³ Ibid. P. 27.

Ахмет Мухтар-бей

в реализации этого плана и что «не только коммунисты в Центральной Азии выступают в его пользу, но и многие националисты-мусульмане». Первые, как считал дипломат, рассчитывают, что новые республики усилят федерацию, а вторые предвидят «возможность усиления своих позиций с помощью предполагаемого слияния и использование этого в определенное время с целью свержения ига Москвы и победы национальной независимости». По мнению Ходжсона, турецкий посол «очевидно, надеется, что последнее будет воплощено»²⁴. Более того, Мухтар-бей считал, что даже в случае победы советской пропаганды среди мусульман, что было вряд ли возможно, по его мнению, «националистические настроения местного населения... достаточно сильны, чтобы быть уверенным, что они никогда добровольно не подчинятся русскому господству»²⁵.

Тема административного этнотерриториального размежевания в Центральной Азии привлекала пристальное внимание британской

²⁴ Ibid. P. 27. О взглядах посла Турецкой Республики в СССР Мухтар-бея и его отношении к СССР свидетельствует отрывок из переписки М. Расулзаде с А. Топчибаши, в которой первый сообщает 20 ноября 1924 г.: «На днях приехал из Москвы турецкий посол Мухтар-бей. Его впечатление таково: дни большевиков сочтены, учреждения работают в убыток, новый крах России неизбежен. Он обещал со своей стороны оказать возможное содействие нашему делу». Язублу Н. Энциклопедия Мухаммеда Эмина Расулзаде. М.: ООО ИПЦ «Маска», 2015. С. 29.

²⁵ NAI. Repository II. PR_000003030858. Home_Political_NA_1924_NA_F-126Part-Ii. Remain Inability Activities Bokhara. Secretary of State. Home Political. P. 27.

стороны. Обращаясь к ней в телеграмме, направленной 22 мая 1924 г. главе Форин Офиса из Москвы, ставший временным поверенным после установления дипломатических отношений между СССР и Британией Ходжсон ссылался на свое предыдущее сообщение от 20 мая по этой проблеме, информировал о том, что проект размежевания в Центральной Азии рассматривался недавно на чрезвычайной сессии ЦИК Туркестана и был одобрен. Как отмечал дипломат, в заявлении ЦИК «проводил черту между свободой, которой пользуются республики, вошедшие в Советский Союз, с рабским положением в отношении европейского империализма, за которым плетутся Индия, Китай, Египет и Персия, и заявлял о мудрости новой меры как “хоронящей окончательно все уцелевшие остатки запутанных национальных и правовых отношений, оставшихся в наследство от колониальной и порабощающей политики царизма”». В соответствии с полученной Ходжсоном информацией в результате размежевания создавались Узбекская республика (Узбекистан), в которую включалось узбекское население Туркестанской республики и Бухары; Туркменская республика (Туркменистан) с туркменским населением бывшей Закаспийской области, Бухары и Хорезма; казацко-киргизское население²⁶, проживавшее в северной части Туркестана в Сырдарьинской области и на границе с Киргизской республикой, должно было быть включено в нее; создававшаяся кара-киргизская область должна была составлять часть, входящую в РСФСР; таджикская автономная область должна была стать частью Узбекской республики. Предусматривалось создание среднеазиатского экономического совета для решения вопросов, возникавших между новыми государственно-административными образованиями²⁷. Эти изменения были в центре внимания и соседних государств, поэтому британский дипломат обращал внимание на мнение персидского поверенного в делах в Москве, заявившего о том, что предпринятые изменения имеют «гораздо более

²⁶ В зарубежной, как и в русской этнологической традиции, этноним «киргизы» применялся для обозначения казахов, а этноним «каракиргизы» в отношении кыргызов. Первоначально носившая название Киргизская ССР затем была переименована в Казахскую ССР. В данном случае не исключено, что Ходжсон мог иметь в виду так же, но реже использовавшийся в отношении казахов этноним «киргиз-казаки», разделив его на два — казаков и киргизов, не исключено, что в данном случае он мог ассоциировать казахов с казаками, а киргизами называл кыргызов (что было исключительной редкостью для того времени), так как указанный им район на севере Туркестана и Сырдарьинская область были ареалом расселения этих народов.

²⁷ NAI. Repository II. PR_000003030858. Home_Political_NA_1924_NA_F-126Part-Ii. Remain Inability Activities Bokhara. Secretary of State. Home Political. P. 68.

Фрагмент издания «Бухарская жизнь» с номенклатурой товаров и сырья из БНСР

глубокое значение, чем это кажется. Советское правительство в этом деле, как и в других, преследует те же цели, что и царский режим другими методами». В этой связи, как сообщал Ходжсон, его персидский собеседник заявлял, «так же как автономная Молдавская Республика предназначена для того, чтобы привлечь в советскую орбиту всех молдаван, живущих на румынской территории, точно так же в данном случае создание Туркменской Республики является завуалированным наступлением на Персию, туркменское население которой может, как считается, быть соблазнено предпочесть своему нынешнему положению союзом с автономными туркменами [Туркменской ССР] под советским управлением»²⁸.

Для британской стороны процесс государственного строительства на советском Востоке имел стратегическое значение, так как часть создаваемых республик граничила с Персией и Афганистаном, тесно связанными с британской Индией и представлявшими оборонный интерес. Именно поэтому обращалось внимание на характер происходивших там процессов, а в условиях развивавшегося «согласования» будущих британо-советских договоров ситуация на советском Восто-

²⁸ Ibid. P. 69.

ке выступала своего рода фоном двусторонних отношений, способным серьезно повлиять на результаты переговоров. Информации британского представителя в Москве придавалось большое значение, и он регулярно направлял ее в Лондон. Буквально на следующий день после уже упоминавшегося сообщения, 21 мая 1924 г. Ходжсон направил очередную телеграмму в Форин Офис, в которой писал о том, что «сегодня [21 мая] советская пресса публикует то, что претендует быть телеграммой РОСТА²⁹ из Ташкента, утверждающей, что британцы подстрекают в Афганистане контрреволюционное вторжение. Бывший эмир с помощью британских субсидий и покровительства, как сообщается, сосредотачивается в Хайрабаде; британцы оказывают влияние на эмира Афганистана с тем, чтобы он поддержал движение, возлагая надежду на компенсации в форме территориальных приобретений за счет Бухары»³⁰. В свою очередь Форин Офис направил 31 мая Ходжсону телеграмму, в которой со ссылкой на его сообщение от 1 мая о восстании в Туркестане и Афганистане информировал главу британской миссии о том, что «Правительство Его Величества не обладает дальнейшей информацией по поводу восстания в первой из стран [Туркестане]»³¹.

На этом фоне вполне определенно начинала рассматриваться информация, получаемая от британского военного атташе в Мешхеде майора Д. Томпсона, который передавал ее в Генеральный штаб британских войск в Индии, о ситуации, складывавшейся на сопредельной советской территории. 12 июня он сообщал о разворачивавшейся в Бухаре мобилизации «русских и мусульман», а также о том, что «в районах Самарканда и Ташкента были мобилизованы только русские», а возраст призывников составил от 18 до 32 лет. Он также сообщал о крупном усилении Кушки и Термеза и прибытии в советский Туркестан войск с Кавказа и центральной части СССР. Примечательным в данной связи фактом, отмеченным майором, была активная антиафганская пропаганда во всем Закаспии и Бухаре. Более того, со ссылкой на сообщения, поступавшие в Мешхед, британский военный атташе сообщал в Симлу о том, что по этим данным «русские предпринимают усилия по продвижению идеи создания республики в Северном Афганистане»³². Подобное развитие событий могло рассматриваться как подготовка к активным боевым дей-

²⁹ Российское телеграфное агентство.

³⁰ NAI. Repository II. PR_000003030858. Home_Political_NA_1924_NA_F-126Part-li. Remain Inability Activities Bokhara. Secretary of State. Home Political. P. 30.

³¹ Ibid. P. 27.

³² Ibid. P. 20.

Артур Макманус

ствиям Красной армии в непосредственной близости от границ британской Индии и серьезно повлиять в целом как на военно-политическую обстановку в регионе, так и на общественно-политическую ситуацию не только в самом Афганистане, но также и соседней Персии, а также непосредственно в самой Индии. При этом «афганский фактор» вновь усиливал свое значение в существовавшей в регионе расстановке сил. Поэтому телеграмма Томпсона, направленная 13 июня 1924 г. в Симлу, представляла для Генерального штаба в Индии особый интерес, так как содержала хотя и не точные, что отмечал сам майор, но все-таки данные о численности советских сил, составлявших по приблизительным подсчетам 16 тыс. 400 чел. в Ташкенте и Самарканде, 3 тыс. чел. в Хиве, 1 тыс. чел. в Фергане, около 40 тыс. в районе Бухары, включая Каган, Керки и ряд других населенных пунктов, 5 тыс. чел. в Термезе и 6 тыс. 500 чел. в Кушке. При этом, что было особенно важно в случае проведения советской стороной операций на южном направлении, военный атташе обращал внимание на полную непригодность железнодорожных путей для интенсивных перевозок войск, а их доставка из Бухары в Керки и Термез осуществлялась водным транспортом³³. При этом, что было важно с точки зрения определения советских намерений, военному атташе стало известно, с одной стороны, об отсутствии концентрации транспорта, а с другой — о прибытии больших объемов продовольствия

³³ Ibid.

в Каган. Полученная Томпсоном информация о проведенных в Ташкенте и Самарканде 1 июня антиафганских демонстрациях, а также сообщения о том, что «отношение русских к Афганистану полностью враждебное»³⁴, лишь усиливало ожидание вероятных действий советской стороны. Подтверждением существования таких планов могли стать сведения, добытые на сопредельной советской территории агентурой британского военного атташе в Мешхеде, в соответствии с которыми, как он сообщал 16 июня в Симлу, «Бухара обратилась с настоятельной просьбой к Москве о предоставлении финансов для ремонта железной дороги. Бухарское правительство заявляет, что в случае неполучения немедленно средств в ближайшем будущем оно не будет нести ответственности за железную дорогу»³⁵. Информация майора Томпсона об усилении советских сил в Туркестане подтверждалась его коллегой — британским военным атташе в Тегеране У.А.К. Фрэйзер, который направил 17 июня 1924 г. телеграмму в Генеральный штаб британских сил в Индии о том, что «получены надежные данные о направляемых в Туркестан 8 тыс. русских войск, которые разместились 27 апреля в Красноводске»³⁶. Внимание как британских дипломатических представителей и сотрудников, так и ряда их зарубежных коллег усилилось, прежде всего, с учетом поступавших не очень ясных сообщений о происходивших там локальных боевых действиях, а также обвинений в адрес Британии в поддержке местных противников советской власти. Находившийся в Кабуле британский военный атташе майор А.Н.И. Лилли в ответ на запрос Генерального штаба британских сил в Индии относительно ситуации в советском Туркестане информировал Симлу о том, что ни один из его контактов — ни итальянский солдат, обучавшийся в России и находившийся ныне на службе афганского правительства, имевший устойчивые связи с советским посольством, ни французский военный атташе, «который через Фуко»³⁷ в Балхе находится в контакте с северной границей», ничего не слышали о том, что сообщал в своей телеграмме 12 июня военный атташе в Мешхеде майор Д. Томпсон³⁸, т.е. о мобилизации в Бухаре. В то же время Лилли

³⁴ Ibid. P. 21.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid. P. 22.

³⁷ Имелся в виду французский археолог, ориенталист, специалист по буддизму Альфред Фуко, находившийся в тот момент на археологических раскопках в афганской провинции Балх.

³⁸ NAI. Repository II. PR_000003030858. Home_Political_NA_1924_NA_F-126Part-li. Remain Inability Activities Bokhara. Secretary of State. Home Political. P. 26.

обращал внимание в своем сообщении на интерес, проявленный турецким послом в Кабуле, обратившимся к британскому атташе с вопросом о том, есть ли у последнего «информация по поводу слухов о возобновлении повстанческого движения в Туркестане»³⁹. Лилли ссылался на мнение турецкого дипломата, считавшего, что «любая подобная русская мобилизация в Туркестане означала бы подобное возобновление и не была бы предпринята в пропагандистских целях». Такая уверенность базировалась, как отмечал Лилли, на мнении турецкого представителя о том, что «русские войска нужны в направлении Бессарабии», а сам этот дипломат, о чем писал атташе, «откровенно намекал на протуранистские устремления Анкары в Туркестане и осуждал русскую политику в этом регионе». Более того, посол обещал держать британца в курсе событий в случае получения информации, но, как сообщал Лилли, «ни он, ни афганское правительство, ни бывший эмир Бухары не имели никаких новостей относительно русской мобилизации с момента перемещения двух дивизий несколько недель назад с Кавказа в Туркестан»⁴⁰.

Продолжавшая для британской стороны оставаться неясной ситуация в советской Центральной Азии требовала прояснения, и британские дипломатические, а также разведывательные службы стремились выяснить истинное положение дел. В этой связи информация британского Генерального консула в Кашгаре сэра К. Скрайна приобретала особое значение, так как этот район граничил с советским Туркестаном и активно использовался для получения разведсведений с сопредельной территории. В специальном пространном сообщении «Приграничная ситуация и советская деятельность в Синьцзяне», направленном Скрайном в Иностранный и Политический отдел британской администрации Индии 19 июня 1924 г., в разделе «Фергана», во-первых, отмечалось, что сообщения британской газеты «The Times» из Риги о восстании в Фергане и Семиречье, а также о перевороте в Туркестане и победе повстанцев, которые якобы перебили много коммунистов, не подтверждались из проверяемых источников и выглядят как антибольшевистская пропаганда, в связи с чем, как отмечал Скрайн, они не передавались британской администрации Индии. Во-вторых, автор телеграммы высказывал предположение о том, что подобные слухи были, судя по всему, отражением ряда событий, а именно: разногласий в среде партийного руководства в Ташкенте, которые, «как говорят, привели к казни ряда коммунистов

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid.

в апреле»; «успехов Джунаид-хана в Хиве и выражения симпатии к возобновившейся деятельности басмачей в окрестностях Бухары и Самарканда»; «религиозно-политической кампании, организованной партией Улема⁴¹ против туркестанского Совета»⁴². Касаясь экономической ситуации, британский Генеральный консул отмечал, что предпосылок для повстанческого движения фактически нет и агитация против советской власти в основном ограничивается, во-первых, деятельностью партии Улема и, во-вторых, активностью нескольких выживших руководителей басмачей в горах, а также их сторонников⁴³. При этом он затруднялся определить степень взаимодействия двух этих групп. В этой связи особое внимание Скрайн обращал на действия турецких учреждений в Бухаре и Фергане⁴⁴. Примечательным был сделанный им вывод о том, что советские власти Туркестана не слишком обеспокоены распространением повстанческого движения в Бухаре и Хиве, о чем свидетельствовало сокращение воинского контингента в Закаспии до 30 тыс. человек⁴⁵.

«Азиатский фон» становления британо-советских отношений явно свидетельствовал о продолжавшем существовать их конфликтном потенциале. Более того, ставка на революционные действия на Востоке, делавшаяся открыто Третьим интернационалом, находившимся под советским контролем, и проводившаяся советским руководством негласная политика в государствах, граничивших с британской Индией, как и в ней самой, продолжала сочетаться с поддержкой компартий в странах Западной Европы, где они во многом выполняли функции сил влияния на ситуацию в соответствующих странах. Для Британии, где у власти находилось лейбористское правительство, нередко характеризовавшееся его оппонентами как со стороны Консервативной партии, так и Либеральной как социалистическое, этот вопрос приобретал довольно серьезное значение, так как затрагивал широкий комплекс социально-экономических и политических вопросов. Налаживание отношений с СССР было сопряжено в данном контексте с необходи-

⁴¹ Шура-и-Улема (араб. Совет духовенства) — общественно-политическое объединение, созданное в русском Туркестане в 1917 г. представителями духовенства и общественными деятелями из средних слоев местного общества. Выступала с консервативных позиций, за отделение Туркестана от России, постепенно дрейфуя в сторону радикального политического ислама. Впоследствии многие ее члены участвовали в басмаческом движении.

⁴² Ibid. P. 33.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid. P. 34.

⁴⁵ Ibid. P. 35.

Фрагмент издания «Бухарская жизнь» с информацией о кооперации БНСР с российскими фабриками

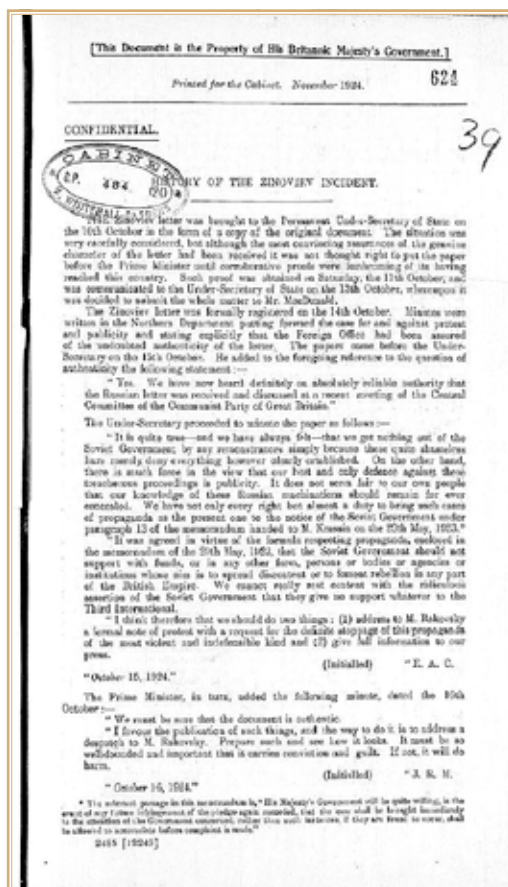
мостью, во-первых, демонстрировать для британской и британских политических кругов, а также бизнес-сообщества последовательность в отстаивании британских интересов; во-вторых, не допускать излишней публичности имевшихся разногласий при переговорах с советской стороной и особенно в вопросах, связанных с противоборством двух стран на восточном направлении; в-третьих, минимизировать достаточно агрессивный характер полуофициальной советской пропаганды против правительства Макдональда, так как это могло повлиять на позицию британских профсоюзов, где были сильны позиции левых. Поэтому появление в органе британской компартии «The Workers' Weekly» 25 июля 1924 г. анонимной статьи, имевшей форму открытого письма, лишь приблизило развязку в противостоянии лейбористов и их оппонентов, прежде всего консерваторов, которых поддерживали либералы. В материале фактически содержался призыв к активным действиям, которые при определенных условиях могли перерасти в гражданскую войну, и заявлялось: «Солдаты, моряки, летчики, плоть от нашей плоти, Коммунистическая партия призывает вас приступить к задаче не только организации пассивного сопротивления при объявлении войны или когда вы будете вовлечены в рабочий конфликт, но и к тому, чтобы

определенно и категорически было известно, что ни в классовой войне, ни в просто во время войны вы не повернете ваше оружие ваших товарищей-рабочих, а вместо этого вы построитесь в шеренгу вместе с вашими товарищами-рабочими в наступлении на эксплуататоров и капиталистов и будете использовать ваше оружие на стороне вашего собственного класса»⁴⁶. Идеологический посыл этого воззвания во многом отражал коминтерновские установки по вопросам, связанным со стратегией и тактикой действий компартий. В британских политических кругах эта публикация была расценена как призыв к восстанию и вызвала острую реакцию. Попытка лейбористов привлечь главного редактора газеты Дж. Кэмпбелла, которого обвинили в авторстве этого письма⁴⁷, к суду закончилась неудачей из-за поддержки его профсоюзами, с которыми правительство Макдональда не хотело обострения и без того напряженных отношений. Парламентская оппозиция в лице тори, которых поддержали либералы, лишняя раз убедилась в слабости лейбористского правительства меньшинства, обвинила его в покровительстве радикалов-коммунистов и вынесла ему вотум недоверия, что привело к назначению новых парламентских выборов. Происходящее имело серьезную перспективу повлиять на дальнейший ход британо-советских отношений в части, касавшейся подписания двумя сторонами двух документов — общего соглашения и торгового договора.

На заседании британского кабинета, 30 июля 1924 г. обсуждавшего детали заключения британо-советского договора, помимо отдельных статей, касавшихся финансовых вопросов, пристальное внимание было уделено 22-й статье проекта, в которой предусматривалось прекращение пропаганды со стороны СССР. В этой связи в примечании к документу отмечалось, что в означенной статье говорилось о «всех лицах и организациях под их непосредственным или опосредованным контролем», но не говорилось, считается ли Третий интернационал под их «прямым или опосредованным контролем» и поэтому парламентскому помощнику секретаря в Форин Офисе поручалось «сделать четкое заявление в подходящий момент о том, что Британское прави-

⁴⁶ An Open Letter to Fighting Forces // The Workers' Weekly newspaper. 25 July 1924.

⁴⁷ Широко распространенная до сих пор версия об авторстве Дж. Кэмпбелла была опровергнута с привлечением документальных доказательств Н.Д. Сайдириром в 1974 г., опубликовавшим специальную статью «Дело Кэмпбелла», в которой был назван настоящий автор открытого письма — член ЦК компартии Великобритании и один из руководителей Коминтерна Г. Поллит: *Siederer N.D. The Campbell Case // Journal of Contemporary History. Apr., 1974. Vol. 9. №. 2. P. 143–162.*

Фрагмент меморандума «История зиновьевского инцидента» от 11 ноября 1924 г. — TNA. CAB 24/168/87. *History of the Zinoviev Incident. Memorandum. Foreign Office*

тельство рассматривает Третий интернационал как находящийся под контролем Советского Союза»⁴⁸. Одновременно кабинетом было принято решение о том, что договор не будет заключен без консультаций с доминионами⁴⁹, что имело также особый смысл с учетом разворачивавшейся советской стороной деятельности на «периферии» Британской империи. После всех согласований 8 сентября 1924 г. общий и торговый договор были подписаны и ожидали ратификации обеими сторонами. Однако складывавшаяся ситуация была не в пользу лейбористского правительства, так как предстоявшие парламентские выборы могли повлиять как собственно на судьбу лейбористов, так и на двусторонние отношения Британии с СССР из-за усиливавшейся кри-

⁴⁸ TNA. CAB 23/48/19. Cabinet 44(24). Conclusions of the Meeting of the cabinet held at 10, Downing Street, S. W. 1, on Wednesday, July 30th 1924. P. 325.

⁴⁹ Ibid. P. 327.

Г.Е. Зиновьев

тики правительственной политики на советском направлении со стороны консерваторов, видевших в действиях Москвы стремление добиться выгодных для себя результатов, не прекращая антибританской активности. При этом «азиатская периферия» продолжала оставаться объектом особого внимания британской дипломатии и разведывательного сообщества.

Новый британский Генеральный консул в Кашгаре подполковник А. Лиалл в своей телеграмме «Ситуация в русском Туркестане» в Иностраннный и Политический департамент британской администрации Индии сообщал 18 сентября со ссылкой на свой источник, который был в Ташкенте в течение нескольких недель, о том, что советский воинский контингент в Закаспии составляет 35–40 тыс. человек исключительно из Центральной России⁵⁰, при этом воинские контингенты, по сведениям Генконсула, постоянно перемещались с целью «не допустить деморализации в результате контактов с местным населением»⁵¹. Одновременно подполковник отмечал в своей телеграмме существование недовольства в войсках из-за неравенства в оплате командного и рядового состава, так как первые, по данным Генконсула, получали содержание в размере, эквивалентном 50–80 золотым рублям в месяц,

⁵⁰ NAI. Repository II. PR_000003030858. Home_Political_NA_1924_NA_F-126Part-li. Remain Inability Activities Bokhara. Secretary of State. Home Political. P. 62.

⁵¹ Ibid. P. 63.

в то время как содержание рядовых составляло эквивалент в 75 копеек золотом⁵². Важным с точки зрения определения перспектив развития ситуации был вывод подполковника о том, что «не существует никаких сомнений, что большевикам не удастся подорвать и окончательно уничтожить или радикально изменить ислам». Не меньшее значение имела информация о вероятных планах этнотерриториального размежевания, о которых, как сообщал Лиалл, много говорили в Туркестане, в частности о передаче «Ташкента киргизам и казакам, в то время как узбеки (т.е. сарты или тюрки) получали город Тамерлана (т.е. Самарканд)». При этом, по сведениям Генерального консула, «сартам в Ташкенте эта идея вообще не нравится, и они не хотят называться узбеками и относиться к Самарканду»⁵³.

Происходившие осенью в советской Средней Азии события свидетельствовали о подготовке властями серьезных изменений с точки зрения управления этим регионом и проводимой в нем политики. Это отмечалось и британским поверенным в делах Ходжсоном, сообщавшим в Форин Офис 27 сентября со ссылкой на предыдущую телеграмму о планировавшихся административно-территориальных изменениях. В частности, в соответствии с решением курултая в Бухаре название республики было изменено с Бухарской Народной Советской Республики на Советскую Социалистическую. Он приводил официальную советскую мотивировку этому, когда заявлялось, что данное изменение «являлось подготовкой к вхождению в качестве полноценного члена со всеми правами и обязанностями в семью народов, объединенных в Союзе Советских Социалистических Республик»⁵⁴. Одновременно Ходжсон приводил

⁵² Ibid. P. 63. В 1924 г. на территории СССР в ходу были рублевые бумажные банкноты золотого эквивалента, на которых была соответствующая надпись. Средняя зарплата составляла 40–60 руб.

⁵³ Ibid. P. 64. Сарты как этнорегиональная группа до сих пор являются предметом научных дискуссий. Существует несколько версий, в соответствии с которыми это: 1) проживающие в городах оседлые узбеки и равнинные таджики ряда мест Центральной Азии; 2) таджики, населявшие Хорезм, жители городов Коканд и Бухара; 3) частично тюркизированные и сохранившие частично фарсоязычность потомки древних хорезмийцев; 4) таджики и фарсоязычные узбеки; 5) этнолингвистическая группа в ряде районов Центральной Азии, имеющая свои антропологические особенности и говорящая на тюркском диалекте (сарт тили); 6) культурно-хозяйственная группа оседлого населения ряда мест центральноазиатского региона. В сообщении Ходжсона отчетливо проявился этот дискуссионный аспект принадлежности сартов. Их наибольшее число, по переписи, проводившейся в Российской империи, проживало в Ферганской (788 тыс. 989 человек) и Сырдарьинской (144 тыс. 275 человек) областях.

⁵⁴ Ibid. P. 70.

отрывок из публикации советской газеты «Известия», в котором говорилось о решимости бухарцев связать свою судьбу с СССР и что теперь Бухара граничит «без всяких коридоров» с Индией и с Китаем⁵⁵.

В самой Британии шла активная подготовка к выборам, в ходе которой обострилась политическая борьба между сторонниками и противниками лейбористов. В субботу 25 октября 1924 г., за четыре дня до парламентских выборов, правоконсервативная популярная газета «The Daily Mail» опубликовала под заголовком «Гражданская война социалистических хозяев» текст некоего письма председателя Исполкома Коминтерна Г. Зиновьева главе компартии Британии А. Макманусу от 15 сентября. В нем содержался фактически план активных революционных насильственных действий накануне и в период предстоявших парламентских выборов. Имея в виду проводившийся правительством Макдональда курс на установление отношений с СССР, а также планировавшиеся многомиллионные займы Москве, сам факт появления такого документа был способен серьезно повлиять не только на судьбу Лейбористской партии и лично премьера, но и на весь комплекс двусторонних советско-британских отношений. С самого начала существовали подозрения в подлинности документа, тем не менее Форин Офис направил советскому полномочному представителю Х. Раковскому соответствующую ноту, на которую последний ответил, отвергнув опубликованный документ как фальшивку⁵⁶.

Поражение лейбористов на парламентских выборах, проходивших 29 октября 1924 г. и приведших к власти Консервативную партию во главе со С. Болдуином — сторонником «жесткой линии» в отношении СССР, повлияло на взаимоотношения Лондона с Москвой. Во-первых, подписанные ранее договоры не были ратифицированы, во-вторых, новое правительство достаточно подозрительно относилось к действиям советской стороны на международной арене, включая «азиатскую периферию». Активность СССР на Востоке давала британцам серьезные основания считать, что предыдущие заявления о прекращении враждебной деятельности в отношении Великобритании мало соответствовали реальности, тем более что последовательно и на протяжении всего

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Первая подробная публикация по данному вопросу в: Антисоветские подлоги: история фальшивок, факсимиле и комментарии. М.: Издание Литиздата НКВД, 1926. С. 43–79. Впоследствии было окончательно доказано, что «письмо Зиновьева» являлось подделкой. Bennett G. The Zinoviev Letter of 1924: «A most extraordinary and mysterious business» // History Notes. 1999. Issue 14. P. 143–162.

1924 г. британские гражданские и военные представители в Афганистане, а также консулы как в северных районах Персии, так и в ее южных областях Фарс и Керман фиксировали советскую разведывательную и политическую активность и определяли характер и степень влияния советских официальных представителей, большая часть которых была связана с разведывательными структурами СССР, на внутривнутриполитические процессы как на региональном, так и общенациональном уровне⁵⁷. В новых «постлейбористских» условиях развитие двусторонних отношений складывалось с учетом политики обеих стран на азиатском направлении и, в частности, в советской Центральной Азии, Афганистане, Персии и британской Индии.

⁵⁷ File 299/1918 Pt 4 'PERSIA: situation in Fars and Kerman' [366r] (736/894), British Library: India Office Records and Private Papers, IOR/L/PS/10/730, in Qatar Digital Library <https://www.qdl.qa/archive/81055/vdc_100092149623.0x000089>; <https://www.qdl.qa/archive/81055/vdc_100092149623.0x00008b>; <https://www.qdl.qa/archive/81055/vdc_100092149623.0x00008d>; <https://www.qdl.qa/archive/81055/vdc_100092149623.0x00008f> [accessed 28 October 2021].

REFERENCES

1. *Agabekov G.S.* Cheka at work [CHK za rabotoy]. Assotsiatsiya «Kniga. Prosveshcheniye. Miloserdie», Moscow, 1992.
2. *Anti-Soviet Forgeries: A History of Forgeries, Facsimiles and Comments* [Antisovetskiye podlogi: istoriya fal'shivok, faksimile i kommentarii]. Izdaniye Litizdata NKID, Moscow, 1926.
3. *Bennett G.* The Zinoviev Letter of 1924: «A most extraordinary and mysterious business» // History Notes. 1999. Issue 14.
4. *Murphy J.T.* The Labour Government — What We Must Do // The Workers' Weekly, February 15, 1924.
5. *Sergeev E.Yu.* The Bolsheviks and the British. Soviet-British relations, 1918–1924: from intervention to recognition [Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskiye otnosheniya, 1918–1924 gg.: ot interventsii k priznaniyu]. Nauka, Saint-Petersburg, 2019.
6. *Siederer N.D.* The Campbell Case // Journal of Contemporary History. 1974. Vol. 9. №. 2. P. 143–162.
7. *Uluynan Ar.A.* Turkestan bridgehead. 1917–1922: British Intelligence Community and British Government [Turkestanskiy platsdarm. 1917–1922: Britanskoye razvedyvatel'noye soobshchestvo i britanskoye pravitel'stvo]. URSS, Moscow. 2019.
8. *Yagublu N.* Encyclopedia of Mohammed Emin Rasulzade [Entsiklopediya Mukhammeda Emina Rasulzade]. OOO IPC «Mask», Moscow. 2015.

Ключевые слова:

Великобритания, Афганистан, Персия, Р. Макдональд, Р. Ходжсон

Arutyun A. Ulunyan

«ASIAN BACKSTAGE DIPLOMACY» IN BUILDING BRIDGES BETWEEN THE USSR AND GREAT BRITAIN IN 1924

he study examines the role of the Asian periphery in the establishment of diplomatic relations between the USSR and Great Britain in 1924. British archival documents suggest that the United Kingdom regarded Soviet activities in countries bordering British India as extremely important. At the same time, the British foreign office and intelligence were paying close attention to the situation that was unfolding in Soviet Central Asia, trying to assess its impact on the British standing in the region, as well as the possible Soviet expansion eastwards into the neighboring countries. The article concludes that MacDonald's Labour government wanted to avoid confrontation with the USSR in order to attain its main goal — signing and ratifying agreements with the Soviet state, despite it being rather active near the borders of India. The author cites documents and assessments by British diplomats and military officers. These sources cover both Soviet actions in Central Asia itself, where the USSR leadership was beginning to pursue a new national and territorial policy, as well as in the countries bordering that region.

Keywords: Great Britain, Afghanistan, Persia, Ramsay MacDonald, Robert Hodgson.

Arutyun A. Ulunyan — D. Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute.

 Улунян Артем Акопович

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН